# Когнитивный субстрат языкового мышления: семиотический аспект

**DOI** 10.31483/r-75292
**УДК** 81'371

**Савицкая Е.В.**[a] **, Савицкий В.М.**[b]
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-4630-7521, e-mail: lampasha90@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-2277-925X

***Резюме:*** В статье рассматриваются комплексы когнитивных установок, лежащие в основе языкового мышления и выступающие в форме культурных кодов. Такие комплексы в своей совокупности образуют когнитивный субстрат языкового мышления, который имеет этнокультурную и этноязыковую специфику в рамках лингвокультур.

*Методы исследования*: анализ, сравнение, описательный метод, межъязыковое сопоставление меркантилистского и милитарного культурных кодов на материале английской и русской лингвокультур.

*Результаты исследования*. Отмечается, что когнитивный субстрат языкового мышления народа выполняет функцию моделирования реальности, выступая как совокупность культурных кодов. Показано, что коды, применяемые субъектом в его языковом мышлении, делятся на внутренние и внешние. Внутренние коды духовно близки данному субъекту; на них он формирует мысли, а на внешних кодах он только вербально формулирует их, переводит с внутреннего на внешний код. В число внутренних кодов можно включить и тот культурный код, который более всего близок субъекту из-за его сословной, профессиональной и иной принадлежности.

*Делается вывод о том, что* субъект смотрит на весь окружающий мир сквозь призму наиболее привычной ему сферы бытия, делая ее моделью мира и культурным кодом.

***Ключевые слова:*** языковое мышление, когнитивный субстрат, культурный код, лингвокультура, внутренняя форма языковой единицы.

***Для цитирования:*** Савицкая Е.В. Когнитивный субстрат языкового мышления: семиотический аспект / Е.В. Савицкая, В.М. Савицкий // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 74-77. DOI:10.31483/r-75292.

# Cognitive Substrate of Linguistic Thinking: The Semiotic Aspect

**Ekaterina V. Savitskaya**[a] **, Vladimir M. Savitskij**[b]
FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-4630-7521, e-mail: lampasha90@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-2277-925X

***Abstract:*** The article is devoted to a description of cognitive attitude complexes that underlie linguistic thinking and function in the form of cultural codes. Such complexes form a cognitive substrate of linguistic thinking. It has ethnocultural and ethnolinguistic specificity.

*Research methods*: analysis, comparison, descriptive method, interlinguistic comparison of mercantilist and military cultural codes on the basis of English and Russian linguocultural materials.

*Research results*. It is outlined that the cognitive substrate of the linguistic thinking performs the function of modelling reality, acting as a complex of cultural codes. It is shown that the codes used by a person in his / her linguistic thinking are divided into internal and external ones. Internal codes are spiritually close to their user; he / she forms thoughts in them, and as for external codes, he / she only verbally formulates thoughts, translates them from internal to external code. Among the internal codes, there is a cultural code that is closest to the person because of his / her state, occupation, etc.

*It is concluded that* the person views the surrounding world through the prism of the most familiar sphere of life, making it a model of the world and a cultural code.

***Keywords:*** linguistic thinking, cognitive substrate, cultural code, linguoculture, inner form of language unit.

***For citation:*** Savitskaya E.V., & Savitskij V.M. (2020). Cognitive Substrate of Linguistic Thinking: The Semiotic Aspect. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 74-77. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75292.

## Введение

В последнее время в лингвокогнитивистике всё чаще используется понятие «когнитивный субстрат языкового мышления». Оно получает разные, порой противоречащие друг другу определения. В нашей работе под когнитивным субстратом языкового мышления понимается совокупность выработанных в ходе культурного развития народа, устоявшихся в общественной практике, закрепленных в исторической семантике языка коллективных представлений о действительности, а кроме того, комплекс познавательных установок, лежащих в основе языковой картины мира, служащих культурными кодами в процессе коммуникации и в той или иной степени обусловливающих поведение людей.

Некоторые из этих установок восходят к доисторическим временам и, возможно, унаследованы человеком от животных предков (пространственные представления и др.). Другие носят культурно-исторический характер; к их числу относятся, например, религиозные представления о мироустройстве. Независимо от времени возникновения они оказывают подспудное влияние на современное мышление и поведение людей.

В когнитивном субстрате языкового мышления народа проявляются как общечеловеческие, так и региональные, и национальные, и локальные черты – в той пропорции, в какой данный народ сходен с другими народами и в какой он отличается от них. В этой


CC BY

связи уместно привести слова Д.С. Лихачева: «Не существует... единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу... Всё дело в некоторой совокупности и кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт» [3, с. 64]. Об этой пропорции можно судить, исследуя когнитивный субстрат языкового мышления определенного народа. Изучение когнитивного субстрата способствует выяснению специфики этнической ментальности.

Когнитивный субстрат языкового мышления народа тематически неоднороден, но в любых обличьях он выполняет функцию моделирования действительности, выступая как совокупность культурных кодов.

В этой связи следует охарактеризовать понятие «код» в значимом для нашего исследования ракурсе. Как правильно указал Д.И. Дубровский [2], коды, которые применяет субъект в своем языковом мышлении, подразделяются на внутренние и внешние. Внутренние коды духовно близки данному субъекту; на них он формирует мысли, тогда как на внешних кодах он только вербально формулирует их, переводит с внутреннего на внешний код.

В роли внутреннего кода выступает в основном родной этнический язык субъекта. Но, на наш взгляд, в число внутренних кодов можно включить и тот культурный код, который более всего близок субъекту из-за его сословной, профессиональной, религиозной и т. п. принадлежности. Субъект смотрит на весь окружающий мир сквозь призму наиболее привычной ему сферы бытия, делая ее моделью мира и культурным кодом.

**Методика и материал**

Например, военнослужащий, даже говоря о вполне мирных вещах, склонен употреблять речевые обороты из военного лексикона: to stand to one's ground «отстаивать позиции», to gain a foothold «закрепиться на плацдарме», to beat a retreat «отступить в боевом порядке», to stick to one's guns «занять оборону», to break through «пойти на прорыв», to close ranks «сомкнуть свои ряды», to be in a siege «быть в осаде» и т. п.

Тот, кто по долгу службы связан с денежными расчетами, употребляет профессионализмы в значениях, выходящих за рамки финансовой сферы: to make a discount «сделать скидку (на что-л.)», to square accounts (with smb.) «свести счёты», to balance the accounts «подвести баланс», debit a loan «свести дебет с кредитом», to sum up the outcome «подбить итог», to pay the bills «платить по счетам» и т. п.

Тот, кто вращается в криминальной среде, усваивает арготизмы и затем употребляет их в любом дискурсе, способствуя их широкому распространению. Приведем примеры арготизмов, вышедших за пределы криминальной среды: to have a go (on smb.) ≈ рус. *наехать* (*на кого-л.*), watch your chitchat ≈ рус. *следи за базаром*, to bump smb. up ≈ рус. *замочить кого-л.*, to be on the dot ≈ рус. *забить стрелку*, bigtime ≈ рус. *крутой, в авторитете*, dead duck ≈ рус. *облом*, scam ≈ рус. *лохотрон*.

Такого рода подъязыки образуют часть когнитивного субстрата языкового мышления их пользователей. Нечто сходное есть на этнокультурном уровне. Формирование этнического менталитета, национального характера происходит в определенных природных условиях и геополитическом окружении и вызвано основным способом производства, историческими событиями и условиями жизни народа [1]. Всё это откладывается в исторической памяти, фиксируется в этнокультуре и ложится в основу национального строя мышления, выступая в качестве совокупности культурных кодов.

Функцию культурного кода способна выполнять любая воспринимаемая органами чувств сфера реальности: пейзажи, явления природы, фауна, флора, артефакт (утварь, инструменты, оружие, здания, предметы одежды и т. п.), а также действия с этими предметами. Всё это есть не что иное, как языки мысли и коммуникации. Приведем примеры.

Наполеон Бонапарт окрестил британцев ироническим прозвищем la nation des boutiquiers «нация лавочников» (цит. по: [11, p. 158]). Адам Смит подхватил эту характеристику, применив к своим соотечественникам английскую кальку вышеприведенного французского оборота речи (the nation of shopkeepers) и, заступаясь за них, проинтерпретировал ее в позитивном ключе [7].

Эрих Фромм [9] окрестил типичного представителя англосаксонской цивилизации экономическим человеком (the economic man). Психология этого социокультурного типажа базируется на меркантилизме; англосаксы склонны оценивать и измерять всё окружающее в денежном исчислении. Они видят мир сквозь монетарную призму. Это отражено в английских оборотах:

1. Надежность человека уподобляется надежности весьма респектабельного финансового учреждения (He is as reliable as the Bank of England «надежен, как Английский банк»), а ненадежность уподобляется банкноте несуществующего номинала (as phony as a three-dollar bill «надежен, как трехдолларовая купюра»).

2. Эталон стабильности, благополучия – твердая валюта (as sound as a pound / as safe as a dollar «процветает, как фунт стерлингов / как доллар»).

3. В деньгах оценивается и честность человека (I would lend him a million and take no voucher «Я бы ему дал взаймы миллион без расписки»); нечестный человек уподобляется фальшивой монете (a bad penny «фальшивый пенс»).

4. Моральный облик человека оценивается в весьма крупную сумму (He is worth his weight in gold «на вес золота»).

5. Отличное самочувствие тоже выражается в деньгах (I feel like a million dollars «чувствую себя на миллион долларов»).

6. Миллион стоит и красивая внешность (She looks a million bucks «она выглядит на миллион баксов»).

7. В эту же сумму оценивается и лучезарность улыбки (a million-dollar smile «улыбка на миллион долларов»).

8. Важность темы тоже оценивается в миллион (a million-dollar issue «вопрос на миллион долларов»); не слишком важная тема оценивается гораздо дешевле (a sixty-four dollar issue «вопрос на шестьдесят четыре доллара»).


CC BY

9. Если англосакс не может разгадать загадку, он готов платить за ответ (I'll buy it «покупаю»).

10. Чужие мысли оцениваются в небольшую сумму (A penny for your thought «плачу́ пенни за твою мысль», т. е. «о чем ты думаешь?»).

11. Уверенность в ч.-л. выражается готовностью заключить пари на невыгодных условиях (dollars to doughnuts «ставлю доллары против пончиков»).

12. Стоимостью обладает и озабоченность чем-либо (I care a thousand bucks for it «меня это волнует на 1000 баксов», т.е. «я весьма озабочен этим»); равнодушие к чему-либо не имеет стоимости (I do not care a brass farthing about it «меня это ни на грош не волнует»).

Англосаксам свойственно отражать мир с помощью «коммерческого» культурного кода, который, как отмечалось, составляет существенную часть когнитивного субстрата их языкового мышления. В отличие от носителей англосаксонской лингвокультуры, носители русской лингвокультуры в ряде отношений мыслят мир в категориях *войны*.

1. Надежность / ненадежность человека они оценивают не в коммерческих, а в боевых терминах: *Я бы с ним в разведку пошел / не пошел*.

2. Военный, а не денежный характер носит и оценка внешности (*пленительная красота* от *пленить* «взять в плен»; *страшнее атомной войны* «уродливая»).

3. Если русский не может угадать, он не платит, а идет в плен (*Сдаюсь*).

4. Выведывая чью-то мысль, он не покупает ее, а ведет допрос (*Колись*).

5. Выражая уверенность, русский говорит: *Даю голову на отсечение*.

6. Мирные области общественного бытия носитель русской лингвокультуры описывает в военных терминах: *биться за рост производительности труда, осаждать бастионы неприступной красавицы, вести подкоп под моральные устои, ломать копья по (проблеме), ударники соревнования / труда / учебы, скрестить шпаги (с противником в споре), вести войну за души молодежи, дружно ополчиться на недостатки, завоевать сердце возлюбленной, победа на любовном фронте, дела на семейном фронте, надежный семейный тыл, битва за урожай зерновых, штурмовать твердыни науки, заложить мину сомнения и недоверия, определить фронт работ* и др.

**Результаты**

Отсюда можно сделать вывод, что этот основанный на развернутой военной метафоре русский культурный код глубоко укоренился в тех недрах народного менталитета, которые К.Г. Юнг [10] называл коллективным бессознательным. «Милитарный» культурный код, участвуя в порождении речи, в ряде отношений определяет особенности русского языкового мышления. В этой связи следует также отметить *художественную образность* как комплекс культурных кодов.

А.А. Фет назвал ложью вербализацию мысли и чувства: «Напрасно вечное томление сердец, // И клонит голову маститую мудрец // Пред этой ложью роковою» [8]. Преодолеть – хотя бы частично – происходящую в процессе формирования и формулирования мысли потерю и искажение содержания сознания пытаются поэты. С этой целью они создают особые коды – вторичные моделирующие системы, т.е. художественные языки, результат преобразования естественного языка, его «редактирования» в художественных целях. Фет писал: «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук // Хватает на лету и закрепляет вдруг // И темный бред души и трав неясный запах» [8].

**Обсуждение**

По словам Н.С. Гумилева [1], поэтический язык представляет собой «высокое косноязычье», которое «тебе даруется, поэт». Имеется в виду, что поэтический текст затруднен для понимания в сравнении с обычным текстом вследствие применения нестандартного кода. Но за счет этого поэтический текст обеспечивает реципиентам двойной (понятийный и образный) взгляд на мир – взгляд, становящийся возможным благодаря двухуровневости поэтической семантики, подразделяемой на уровень значений и уровень внутренней формы. Внешний и внутренний миры моделируются полнее и объемнее семантически двухуровневыми знаков, нежели знаками семантически одноуровневыми.

Сам словесный язык характеризовался А.А. Потебней как эстетический феномен: «Символизм языка может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова. Слово есть искусство, именно поэзия» [5, с. 84].

Действительно, коллективный разум народа, который создал мифологию, фольклор и язык, по своему креативному потенциалу во много раз превосходит разум отдельного творца (по В.В. Маяковскому [4], «звонкого подмастерья» у «народа, у языкотворца». Творческий дар народа подчеркивался и Игорем Северянином: «Народ-поэт! Народ-орел!» [6].

Этноязык сходен с поэтическим языком, в частности, в том отношении, что он тоже репрезентирует действительность на двух уровнях – на уровне системы значений и на уровне внутренней формы языка.

Сущность денотата иногда больше отражается во внутренней форме, чем в значении языковой единицы. Так, например, в толковых словарях значению английского слова “conscience” дается весьма простое определение «моральное чувство добра и зла», а его внутренняя форма (лат. conscientia, калька с греч. sineidesis – совместное знание) содержит в себе целую социально-нравственную философию, которая характеризует совесть как совокупность коллективных представлений, принятых в определенном социуме и регулирующих отношения в коллективе; индивид ставит свои мысли и дела в соответствие с социальными установлениями. Как видим, внутренняя форма языковой единицы углубляет осмысление выражаемого понятия.


CC BY

***Список литературы***

1. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы [Текст]. – СПб.: Академический проект, 2000. – 736 с.
2. Дубровский Д.И. Понимание как расшифровка кода [Текст] // Философские основания науки: материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки». – Вильнюс: Пяргале, 1982. – С. 128–133.
3. Лихачев Д.С. Заметки о русском [Текст]. – М.: КолЛибри; Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.
4. Маяковский В.В. Сергею Есенину [Текст] // В.В. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 7. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 100–105.
5. Потебня А.А. Мысль и язык [Текст]. – М.: Юрайт, 2016. – 290 с.
6. Северянин И.В. Стихотворения [Текст]. – М.: Профиздат, 2017. – 272 с.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст]. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
8. Фет А.А. Стихотворения [Текст]. – М.: Эксмо, 2017. – 384 с.
9. Фромм Э. Иметь или быть [Текст]. – М.: АСТ, 2015. – 320 с.
10. Юнг К.Г. Личное и коллективное бессознательное [Текст] // К.Г. Юнг. Очерки по психологии бессознательного. – М.: Когито-Центр, 2010. – С. 78–95.
11. O'Meara, B. E. Napoléon en exile. Tome II., 88. Paris: Huzard-Courcier, 1824. – Édition en fac-similé 2015.

***References***

1. Gumilev, N. S. (2000). Stikhotvoreniia i poemy., 736. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.
2. Dubrovskii, D. I. (1982). Ponimanie kak rasshifrovka koda. Filosofskie osnovaniia nauki., 128-133. Vil'nius: Piargale.
3. Likhachev, D. S. (2014). Zametki o russkom [Notes on Russian]., 480. Moscow: KolLibri; Azbuka-Attikus.
4. Mayakovskii, V. V. (1958). Sergeiu Eseninu. V.V. Maiakovskii. Poln. sobr. soch. v 13 t. T. 7, 100-105. Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
5. Potebnya, A. A. (2016). Thought and Language., 290. Moscow: Yurait.
6. Severyanin, I. V. (2017). Stikhotvoreniia., 272. Moscow: Profizdat.
7. Smith, A. (2007). An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations., 960. Moscow: Eksmo.
8. Fet, A. A. (2017). Stikhotvoreniia., 384. M.: Eksmo.
9. Fromm, E. (2015). To Have or To Be?., 320. Moscow: AST.
10. Jung, K. G. (2010). Lichnoe i kollektivnoe bessoznatel'noe [The Personal Unconscious & the Super-Personal or Collective Unconscious]. K.G. Jung. Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo [Essay On the Psychology of the Unconscious], 78-95. Moscow: Kogito-Tsentr.
11. O'Meara, B. E. Napoléon en exile. Tome II., 88. Paris: Huzard-Courcier, 1824. – Édition en fac-similé 2015.

***Информация об авторах***

**Савицкая Екатерина Владимировна** – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация

**Савицкий Владимир Михайлович** – д-р филол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация

***Information about the authors***

**Ekaterina V. Savitskaya** – candidate of philological sciences, associate professor of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation

**Vladimir M. Savitskij** – doctor of philological sciences, professor of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation



CC BY